

Галина Александрова

ПЕРВЕНЦЫ

ТРИЛЛЕР И УЖАС

Триллер и ужас

Галина Александрова

Перевёртыши

«Общенациональная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Александрова Г.

Перевёртыши / Г. Александрова — «Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков», 2019 — (Триллер и ужас)

ISBN 978-5-907254-30-5

В книгу «Перевёртыши» вошли два рассказа и одна повесть современной российской писательницы, члена Общественной палаты РФ, члена Союза писателей России, в прошлом следователя и адвоката, федеральной судьи в почётной отставке Галины Осокиной. Рассказы «Дно» и «Нелюдь» демонстрируют то самое дно жизни, на котором живут трагические жертвы уродливых и жестоких порядков, при которых человек перестаёт быть человеком и обречён влачить жалкое существование. Автор ярко рисует трагизм жизненных судеб персонажей рассказов. И, хотя большая часть людей, попавших сюда, уже никогда не поднимется к свету, к новой жизни, здесь, однако, не гаснет до конца огонёк надежды – надежды на то, что этот мир пьяниц, воров и душегубов однажды будет сметён с лица земли, а человечность наконец станет атрибутом человечества. Важнейшей темой сборника является столь актуальная в современном обществе тема, как феномен семейного насилия. В повести «Перевёртыши» показано, как от насилия в семье страдают женщины и дети. Надеяться им не на кого. Однако бывает, что помощь и защита от постоянных истязаний жены мужем приходит совсем не от тех людей, кто по долгу службы обязан этим заниматься. Жестокость и боль – вот суть всего происходящего. Книга «Перевёртыши» полностью фантазийная, любое сходство с реальными людьми исключается, все события, в том числе преступления, являются вымышленными.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-30-5

© Александрова Г., 2019

© Общенациональная ассоциация
молодых музыкантов, поэтов и
прозаиков, 2019

Содержание

Об авторе	7
Перевертыши	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Галина Александрова

Перевертыши

© Галина Александрова, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2019

* * *

ТРИЛЛЕР И УЖАС

Об авторе

Осокина Галина Александровна (род. 1959) – федеральный судья в почётной отставке, мать троих сыновей, до судейской работы была следователем, адвокатом. В настоящий момент член Общественной палаты РФ, член Общественной палаты Вологодской области, сопредседатель Общероссийской общественной организации «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей», член Союза писателей России.

Писать начала ещё в детстве, это были стихи. В четвёртом классе сама направила стихи в районную газету «Призыв», и одно из стихотворений было опубликовано. Уже в достаточно зрелом возрасте стала писать прозу. Первая книга – «Записки судьи» – была издана в Санкт-Петербурге в 2007 году. В дальнейшем вышли следующие книги: «Куда уходит солнце» (2010; переизд. 2016), «Визит из прошлого» (2014), «Спиной к закону» (2015), «Сердечная недостаточность» (2018); также был издан небольшой сборник стихов. Некоторые произведения посвящены жизни и работе судьи. Судейское сообщество очень закрытое, и я стараюсь писать о чувствах, ощущениях, отношениях в коллективе. Публикуюсь под официальным псевдонимом Галина Александрова.

Перевертыши

Глаза ее не открывались, но внутренний голос подсказывал, что она жива. Где она? Саша об этом даже не думала, мысли только начали появляться словно ниоткуда.

– Может быть, меня уже нет? А кто тогда говорит? – задала она себе вопрос; не услышав звука, насторожилась. Тишина вводила ее в ступор, не давала подтверждения, что вокруг нее что-то да существует.

Полежав так еще немного времени, сомневаясь в том, с кем это все-таки происходит – с ней или уже и не с ней, – Саша вдруг почувствовала запах; запах ей что-то напоминал, и она начала его вдыхать.

– Быстрее все сюда, она глубоко дышит! – закричал кто-то поблизости.

Что происходило в палате реанимационного отделения небольшого областного центра дальше, Саша не слышала, так как снова потеряла сознание.

Появившаяся надежда на то, что женщина наконец-то пришла в себя, снова пропала.

Люди в белых халатах реанимационного отделения делали все возможное и невозможное, чтобы вытащить ее буквально с того света, а еще им приходилось сдерживать рвавшегося к ней мужчину. Тот все время стучал в дверь, кричал, что это его жена и ее надо спасти. Пришлось вызывать полицию, чтобы хоть как-то утихомирить буйнившего. Услышав, что должна приехать полиция, разъяренный муж тут же испарился. Врачи да и весь медперсонал не обратили на это никакого внимания, подобные ситуации приходилось наблюдать им довольно часто: уставшие от постоянной борьбы за жизнь других, они порой не замечали, как идет их жизнь. Перекусы, недосыпы, операции, общение с родственниками, только что потерявшими близкого им человека, уносили и силы, и здоровье.

Подойдя к дежурной медсестре, молодой парень в форме с лейтенантскими погонами сообщил, что они прибыли по вызову.

– Опоздали, хулиган уже смылся, надеюсь, что не вернется, – пояснила дежурная медсестра, вытирая салфеткой пот с висков.

Выглядела она очень молодо, ее глаза – голубые, с небольшой зеленоватой поволокой – привлекли внимание полицейского.

– А что тут было? Вам мешали работать? А что хотели? – задавал вопрос за вопросом лейтенант, надеясь на разговор с приятной девушкой.

– Как вас зовут, дорогая? – еще не услышав ответа на поставленные вопросы, решил познакомиться, отрапортовав, что его зовут Павел Смирнов и что он лейтенант полиции.

– Меня Наташей зовут, вы зачем так спешите? Я не все вопросы и запомнила, вторую смену дежурю. Женщину всю в травмах привезли, а потом этот прибежал, кричал, чтобы спасли его жену, рвался в отделение, обещал всех порешить, если она померет.

– Простите, что перебиваю, а в полицию сообщили о преступлении? Ну, что травмированную привезли.

– Я не знаю, это не мы делаем.

– Узнайте... Если избитая, значит, преступление: нужно ее допросить.

– Да вы что? Она без сознания, вряд ли выживет, если только чудо произойдет.

– А узнать все же можно, направлено ли вашим учреждением сообщение в полицию? – настаивал Павел: девушка ему понравилась настолько, что уходить он никак не хотел. Работу свою он любил, только вот не помнил, когда общался в последний раз с такой приятной девушкой. Обычно общение сводилось до бомжевавших дам или дам легкого поведения, от которых несло дешевой парфюмерией или отходами из помоек.

– Посидите, – указав на стул напротив, в коридоре, улыбнувшись, попросила Наталья, повернулась и пошла в ординаторскую. И тут Павел, похоже, окончательно влюбился. Девушка двигалась настолько красиво, а ее медицинский халат облегал ее стройную фигуру, так подчеркивая все правильные, изящные формы, что Павел смотрел, не отрываясь. Через минуту Наталья ему сообщила, что информация о пациентке в полицию направлена.

– И что, кто-либо приходил, интересовался женщиной? Тогда я должен поговорить с ее лечащим врачом, – обрадовался впервые за долгое время в такой ситуации Павел.

– Виктор Иванович, выйдите, пожалуйста, к вам вопросы из полиции, – позвала Наталья.

Из ординаторской уставшей походкой вышел врач; возраст его оказался сложно определяемым, так как усталость была видна не только на приопущенных веках, но и на опущенных плечах, и на губах, уголки которых свисали вниз.

– Чем могу быть полезным? – протягивая руку молодому полицейскому, тихо произнес врач.

– Виктор Иванович, Наташа сказала, что к вам поступила избитая кем-то женщина, она жива?

– Пока жива, но надежды мало: травмы не настолько тяжелы, как ее диагноз. У нее, молодой человек, рак, организм практически не сопротивляется. Мы, конечно, стараемся, но практика показывает...

Не дослушав дальше врача, Павел извинился и снова задал вопрос:

– Как давно ее доставили и откуда?

– Часа четыре прошло, – посмотрев на часы, констатировал Виктор Иванович.

– А доставили ее, по всей видимости, из дома; соседи позвонили – соседка зашла за солью, а она лежала в прихожей.

– Дверь была не закрыта?

– Молодой человек, это уже не ко мне, мне работать пора, – остановил полицейского врач и пошел в палату к избитой женщине.

– Это что – муж ее так? – задал вопрос Павел.

Вокруг никого не было, и Наталья подумала, что вопрос задан ей.

– Я понятия не имею, – произнесла она, глядя на Павла и почему-то непроизвольно улыбаясь.

– Простите, это я не Вам, сам себе, – тоже заулыбался Павел.

– А приходивший муж что говорил?

– Да ничего не говорил, только кричал, стучал в дверь и все, не очень адекватный.

– Может, он ее и избил?

– Да все может быть, у нас всякое бывает: то приревнуют, то просто налупят, а потом бегают, передачи носят; мы же передачи не берем – кому их есть, все же у нас больные без сознания, – говорила и говорила Наталья, которой Павел тоже, похоже, приглянулся.

– А как зовут эту женщину – ту, что поступила избитой? Вам сказали?

– Сейчас посмотрю, – перелистывая истории болезни, искала нужную информацию Наталья.

– А, вот – Саша ее зовут, фамилия – Свиридова, так соседи сказали. Больше данных никаких нет; еще сказали, что у нее рак и что у нее дети; правда, сколько детей, здесь не указано – это же история болезни.

В палате, где находилась Саша, зазвучали звуки сирены; Наталья, не попрощавшись с Павлом, бросилась туда.

Молодая женщина перестала дышать, быстро собрались врачи. Наталья ушла на свое рабочее место, встала у окна, словно надеялась увидеть того самого полицейского, что только что стоял рядом, смотрел ей в глаза. «А что, если он больше не придет?» – думала она. Что если женщина умрет, то он точно уж не придет или придет, но не в ее смену. На улице уже смерка-

лось, небо словно упало на крыши многоэтажек, начал накрапывать дождь. Закрыв форточку, девушка села на свое место в коридоре; ночь предстояла не из простых – она это понимала, но радовалась тому, что скоро должна была прийти сменщица.

Внутренний голос снова вернулся, и Саша вдруг поняла – нет, не поняла – почувствовала свое тело, вернее его боль: она была невыносимой, заслоняющей все, что не относится к ней самой. И вот, сквозь молнии боли, метавшиеся по телу, она вдруг откуда-то из подсознания вытащила самое ценное, что есть в ее жизни: если сама жизнь еще существует, это одно единственное слово – дети. И даже на фоне невыносимой боли она вдруг ощутила тревогу, тело ее встрепенулось, хотя на самом деле лежало неподвижно: это материнская сила любви пробивалась наружу, но никак не могла преодолеть мощные потоки боли, а душа забилась в предчувствии беды.

Страх и боль за троих ее, маленьких еще, детей – старшему сыну, Ивану, 8 лет; дочуркам – Ире 5 лет, а Эле всего 3 года – пронзили душу, рвали ее на мелкие кусочки. Где они, с кем они, как они? Только эти мысли и держали ее душу, не давали уйти.

Не осознавая всего происходящего, Саша попыталась открыть глаза, но так и не смогла этого сделать, словно кто-то держал свои руки на ее веках и не давал им двигаться. Запах больницы ударил ей в нос. И это еще больше нагнало страха за детей – воспоминаний не было, боль мешала сосредоточиться, а вот страх за детей, что сидел в ней давно, всплыл, что называется, «на автомате». И снова она провалилась куда-то, так и не поняв сути происходящего. Где блуждало ее сознание? Ответа на этот вопрос не знает никто, но чувства пропали надолго.

В это самое время врачи боролись за ее чуть теплившуюся жизнь, и не стоит тебя, читатель, напрягать и нагружать медицинскими терминами и действиями людей в белых халатах – запомнить и произнести их сможет только профессионал в медицине. Ночь была уже глубока, когда Виктор Иванович, налив себе чашку чая, так и уснул, сидя в кресле в ординаторской.

А вот Павел не спал – дежурил в эту ночь в полиции и получил полную информацию о семье потерпевшей, страдавшей от насилия мужа-изверга и давно уже писавшей жалобы им, в полицию, на него за нанесение синяков и ссадин. Его наполняли столь противоречивые чувства – это злость на изверга-мужика, способного так изуродовать мать его же детей, и желание вновь увидеть медсестричку Наташу. Хотелось бросить все и помчаться в больницу, объяснив это необходимостью допроса потерпевшей. Но звонки не давали этого сделать. То собака бросилась на прохожего, то пьяный мужик угодил под колеса парковавшейся машины, то подросток ушел из дома, и родители сбились с ног его искать. Народу не жилось спокойно, хотелось только понять, когда все это закончится. Но как говорит его закадычный друг:

– Это закончится пенсией или психушкой, не раньше. Павел стоял у окна; капли дождя, соприкоснувшись со стеклом, медленно стекали вниз. Небо плакало уже который час. Он решил, что после доклада руководству обязательно навестит реанимацию, пусть бы только женщина не умерла, очень хочется увидеть Наталью. Хотя вряд ли он сможет ее увидеть – та сдаст смену и уйдет отдыхать; не будешь же спрашивать, где она живет.

– На, забери этот ворох никому не нужного барахла, – вернул Павла к действительности недовольный голос участкового Хрулева.

– Эти Свиридовы, они просто достали – мужик колотит бабу, она заявы пишет, а что тут скажешь? Семья. Поговорим – он прямо у меня в кабинете ее обнимет, она поплачет; он напомнит, что дети, что любит, она покивает, и домой уйдут, дня через два все по новой. Заколебали.

– Ты что не понимаешь, что служебка же будет в отношении тебя, если она умрет? – удивился Павел.

Участковый, услышав такое, замер, словно даже и не предполагал, что это реально возможно.

– А я-то тут при чем? Его не пою, да и не пьет он вроде бы, ее жить с дураком не заставляю, с чего меня-то проверять?

– А ты забыл, как недавно на совещании зачитывали сообщение, что мужик бабу убил, так участкового на этом участке не только выгнали с работы, еще и судили?

– Да за что?

– За халатность – он должен был остановить насилие в семье.

– Поселиться там?

– Да почему поселиться? Дело уголовное надо было возбуждать по ст.117 УК РФ – истязания, фактов много было; да и тут, похоже, много, – сказал Павел, показав на увесистую папку бумаг, что принес ему и бросил на стол Хрулев.

– Ну, я тогда пойду, – забирая папку с бумагами, проговорил участковый, – не просто здесь все, не лез бы.

– Стой, оставь бумаги, я посмотрю, – остановил Павел.

– Ну, уж нет, чтобы ты потом под меня рапорт накатал? – возмутился Хрулев, продолжая вытаскивать уже из рук Павла только что принесенные материалы.

– Иди, оставь, что принес, я все просмотрю и определимся, – отстранил его Павел.

– Ну, я и идиот, сам на себя бумаг наскреб, – выругавшись, проговорил Хрулев и, громко хлопнув дверью, ушел.

Павла заинтересовала эта куча бумаг и он начал их изучать. Картина начала складываться не очень благоприятная. Один за другим всплывали эпизоды скандалов в семье Свиридовых, заканчивавшиеся побоями.

Она писала заявление к ним в отдел полиции, материал получал Хрулев, брал объяснения и выносил постановление о том, что она может обращаться в суд и привлекать мужа к ответственности за нанесение побоев, может обжаловать его постановление. Как под копирку были написаны такие постановления.

Объяснения были тоже одинаковы. Скандал заканчивался тем, что Свиридов бил жену вначале по лицу, потом его действия становились все циничнее – бил по животу, даже беременную, по голове, по ногам, да куда приходилось, туда и лупил. Непонятно было одно – почему все это терпела сама Свиридова, рожая извергу детей. Только под утро он закончил перебирать сложенные по порядку истории этой, оказывается, непростой семейной жизни.

Набрав номер реанимационного отделения быстрее автоматически, чем осмысленно, он вдруг услышал ее, Натальин, голос:

– Реанимационное отделение слушает.

Растерявшись, он минуту молчал. Испугавшись, что девушка положит трубку, охрипшим голосом проговорил:

– Пациентка наша жива?

– А кто это спрашивает? Мы информацию по телефону не даем, – как на автомате проговорила Наталья уставшим голосом.

– Это лейтенант Павел Смирнов, мне очень нужно знать, доклад начальству готовлю, – уже более ровным голосом проговорил он.

Узнав голос так понравившегося ей полицейского, Наталья, закивала, словно он был рядом и видел ее, опомнившись, улыбаясь сама себе, проговорила:

– Жива, жива, всю ночь с ней провозились, думали, что все – не спасем, но пока жива.

– Надежда есть, что можно будет допросить?

– Да Вы что? Она без сознания, и вряд ли оно к ней вернется.

– Давайте будем надеяться, – перебил Павел и пожелал хорошего отдыха, хотел было отключиться, как вдруг услышал в ответ:

– Да, какой там отдых, я подружку отпустила съездить к маме часа на три – кто знал, что там мать помрёт. До дома не знаю, как и добраться.

– Тогда до встречи, – так же заулыбавшись, Павел положил трубку.

На стене часы показывали 6.00, спать было уже некогда, Павел сел составлять бумаги.

После оперативки он не пошел домой, хотя до обеда был отпущен отдохнуть – поехал на квартиру к Свиридовым, надеясь застать изверга дома, притащить в отдел и допросить. Это был участок того самого Хрулева, который на оперативке сидел ни живой ни мертвый. Однако Павлу показалось странным, как на его информацию реагировал их начальник – полковник Зыков Петр Петрович. Обычно он начинал злиться, кричать на участкового, требовать объяснительных, а здесь выражение его лица просто ничего не выражало. Он был спокоен, бросал взгляд на Хрулева. А когда Павел сказал, что изучил все материалы зверских поступков Свиридова и что считает целесообразным возбудить в отношении его уголовное дело, полковник его остановил.

– Послушай, Смирнов, ты отдежурил, передай все материалы Хрулеву, пусть проводит дознание и разбирается.

– Но там уже следственными органами пахнет, – постарался мотивировать свои действия Павел.

– Ты чего перебиваешь начальство, – вскипел полковник, – отдежурил и иди отдыхать.

В коридоре он встретился взглядом с Хрулевым, тот загадочно улыбнулся и прошел мимо.

Дождь снова плакал, стучал по лужам, люди спешили, спрятавшись под зонты. Пронесившиеся по дороге машины «окатывали» прохожих с ног до головы. Павел, зябко поежившись, сел в машину и направился по указанному в заявлениях и объяснениях адресу, долго звонил в дверь, но там не было слышно ни единого звука. Дверь была страшная, вся в заплатах, шрамах, скрепленных металлом – понятно было, что выбивали ее неоднократно.

Минут через пять дверь квартиры напротив приоткрылась, появились строгие глаза пожилой дамы.

– Чего трезвонишь, сейчас милицию вызову, – командным голосом проговорила женщина.

– Я из полиции, – раскрыв удостоверение, показал Павел.

– Не вижу, ближе поднеси, – потребовала женщина.

Зная характер таких вот соседок, которые могли о многом поведать, Павел подошел поближе; здороваясь, поднес прямо к лицу женщины свое удостоверение.

– Как мне найти Ваших соседей? Подскажите, очень нужны.

– А что случилось?

– Это я Вас хотел бы спросить – что вчера здесь произошло?

– Понятия не имею, тихо все было, да и кому тут шуметь? Разбежались Свиридовы давно. Вернее, Сашенька убежала, детушек прихватила и свалила куда-то, а этот придурак за ней рванул.

– Вы хотите сказать, что Свиридовы здесь не живут? Как давно? – поинтересовался Павел и попросил женщину снять цепочку, сдерживающую ее дверь, желая поподробнее расспросить любопытную соседку о семье Свиридовых.

Открыв дверь, та встала на пороге, давая понять, что в квартиру его она не впустит.

Оглядев Павла с ног до головы, женщина произнесла:

– Да участковый наш и так заколебал со своими расспросами, ходил чуть не каждую неделю, все спрашивал: шумят ли соседи, ругаются ли, плачут ли дети. А мне почему знать? – отведя глаза в сторону, говорила она. Это был первый признак, что не хочет она ему ничего рассказывать. Павлу нужно было знать почему.

– Почему Вы не хотите со мною поговорить? – дружелюбным тоном поинтересовался он.

– Да говорю же, сколько можно выпрашивать соседей. Кто знает, что там происходит – кино вечерами смотрю в другой комнате, своих дел хватает, чтобы еще чужими интересоваться. Мужик вроде бы культурный, голос такой спокойный, кто знает, – повторила соседка одну и ту же фразу.

– А кто знает? – прервал Павел, – может, водички мне нальете, с работы иду, дома еще не был, – проговорил, пытаясь вызвать ну хоть какие-то другие чувства.

– Да проходи, чего встал, мне же холодно, – делая шаг к себе в квартиру, проговорила женщина, похоже хоть чуть-чуть да оттаяв.

– Как Вас зовут? – поинтересовался Павел, представившись лейтенантом полиции Смирновым. Отпив глоток принесенной воды, сказал, что соседка Александра в реанимации, он хотел бы узнать, где находятся ее дети и как найти ее мужа. У соседки при этом округлились глаза и постепенно наполнились слезами.

– Галина Ивановна я, – вытирая катившиеся по полным ее щекам слезы, произнесла, – добил все-таки паразит.

– Кто ее добил? Вы можете мне объяснить? – стараясь не упустить момента в разговоре, поинтересовался Павел, – Вы же сказали, что муж у Александры воспитанный и спокойный.

– С нами он такой и есть, только «здрасьте» с улыбочкой да «спокойной ночи» и слышали от него, а как дома соберутся, так день ото дня не легче – все крики да шум, и не просто крики: Саша бегаёт и кричит, чтобы не трогал, детки рыдают.

– А полиция часто приезжала? Вы вызывали?

– Мы не вызывали, а со слов Сани, так она если и вызывала – никто не приезжал. Участковый приходил, когда она заявления писала, только толку-то что с того – Глеб всех так уластит, что ничего ему и не будет.

– Что Вы этим хотите сказать?

– А чего сказала, то и думайте; Саню убедит, что все будет хорошо – он предприниматель хренов, деньги водятся, кого словами, кого деньгами «ластил», я с ним не была, – продолжая вытирать так и катившиеся из ее глаз слезы, говорила Галина Ивановна.

Петр немало уже видел таких соседей, вряд ли она захочет подписать свои показания на бумаге, не любят соседи с соседями ссориться, в дела семейные влезать.

– А давно они не живут в этой квартире?

– Да Саша уходила и снова возвращалась, потом снова уходила. В ней он все разломал, даже двери входной не было; всю мебель, всю технику уничтожил, даже розетки вырвал, что называется, «с мясом»; люстры сдернул; она возвращалась в эту квартиру, все восстанавливала, но он в покое ее не оставлял. Подробностей я же не знаю, Вы спросите у ее знакомой, как зовут не знаю – она, эта женщина, уж больно ей помогала все время, у нее Кризисный центр на соседней улице.

– Спасибо Вам большое, Вы мне очень помогли, – поблагодарил Павел, зная о каком Кризисном центре идет речь, и решил туда поехать. Он оказался закрытым, пришлось возвращаться в отдел.

Несколько дней прошли, можно сказать, впустую. Куда делся руководитель Кризисного центра «Надежда», никто не мог ему толком объяснить. Наташу он тоже не видел в отделении реанимации, где все в том же состоянии лежала потерпевшая Свиридова. Ее муж в отделении не появлялся. Хрулев ему так ничего и не объяснил, хотя при встрече смотрел очень загадочно, типа «не лезь куда тебя не просят, а то нарвешься».

– Капельницы, конечно, помогают поддерживать, подпитывать организм, но как долго это будет продолжаться? – вдруг, словно ниоткуда, услышала Саша женский голос. Ее глаз дер-

нуля, голова чуть-чуть повернулась, и это не осталось незамеченным медсестрой, менявшей опустевшую капельницу у ее изголовья.

– Господи, неужели, приходит в себя! – радостно проговорил все тот же голос, послышались быстрые шаги и скрип двери. Все стихло.

Саша все еще ощущала ту острую боль во всем теле, что не давала ей сосредоточиться на чем-то другом, ее глаза все так же не открывались, веки не поднимались, словно приклеенные. Саша приоткрыла чуть-чуть рот.

– Может быть, дать ей глоточек воды? – спросила кого-то женщина. Саша не слышала, как в палату вошли дежурная медсестра и Виктор Иванович.

– Смочите ее губы, но в рот воду не лейте – может, это просто рефлекс и не более, наблюдайте. У меня там послеоперационный тяжелый, мне надо идти, – произнес мужской голос.

Не слыша давно, хотя и не представляя сколько по времени, голосов детей, которые она привыкла слышать с утра и до вечера, Саша напряглась, словно вытаскивая себя откуда-то из болота, засосавшего ее и удерживающего достаточно давно. Пока у нее ничего не получалось. И это она ощущала, толком ничего не осознавая.

Вода, попавшая на губы, приятно их освежила, губы задвигались.

– Вот и умница, – проговорил приятный женский голос, – давай выкарабкивайся, хватит лежать – молодая еще какая, дети вроде бы есть, жить надо, – подбадривающее говорила и говорила женщина.

Сознание ну никак не хотело возвращаться – где она, что с ней? Саша не находила ответа, пространство существовало, но ничем и никак не заполнялось. Словно болтаясь внутри болотной жижи, она себе не принадлежала, и как выбраться из этого – не понимала.

– Ну, ладно, полежи, главное – не отключайся, держись, вытаскивай сама себя, помогай нам, – словно понимая состояние Саши, проговорил все тот же женский голос.

– Пустите меня к жене, – вдруг разрезал тишину громкий крик в коридоре, раздался стук. Саша вздрогнула, словно чего-то испугалась, и открыла глаза.

– Боже мой, все-таки это произошло, он убил меня, – попыталась прошептать, но у нее ничего не получалось.

– А где дети? – Этот вопрос был самым болезненным и тянул ее, получается, из того болота, что засосало ее так надолго.

В палату вбежала медсестра, посмотрев ей в глаза, постаралась успокоить:

– Это мужчина к женщине из соседней палаты пришел, у нас реанимация, мы никого не пускаем.

Саша знала, что кричит ее бывший муж, что уничтожил ее жизнь и не дает ей с детьми покоя вот уже столько лет. Если он прорвется сюда, то она погибнет. А дети? – Только этот вопрос волновал ее и не давал умереть.

Павел без поручения руководства старался выяснить причины, повлекшие за собой столь тяжкие последствия, по материалам, касающимся телесных повреждений, причиненных Александре Свиридовой, все углублялся и углублялся в ее жизнь. Хрулев ушел в отпуск, а материалы так и осели у него. Понимая, что все не так просто, как показалось ему изначально, он продолжал разыскивать руководителя Кризисного центра, а в первую очередь, он выяснил в скорой помощи – откуда, с какого адреса, была доставлена в реанимацию женщина. Адрес, действительно, оказался совсем другим, не домашним.

Добраться до дома, откуда доставили избитую Александру, оказалось не так уж и просто; дом стоял на отшибе, даже нельзя было это место назвать окраиной города. Если бы это была окраина, то стояли бы хотя бы с одной из сторон дома, напрямую примыкающие к городу, а тут надо было еще поискать жилой дом между кустами, разросшимися по обочинам дороги, и деревьями, закрывающими своими кронами даже небо. И дорогой, что вела к дому, это трудно

было назвать: машина еле вписывалась в колеи, углубившиеся после дождя. Павел боялся, что посадит свою машину прямо «на живот», но все же решился проехать к самому подъезду одиноко стоявшего двухэтажного дома.

Дверь подъезда не закрывалась, сказать, что дом нежилой, было нельзя, так как у подъезда на веревках «сохло» под дождем белье, на окнах висели чем-то похожие на шторы тряпки, иначе их было не назвать. Покачав головой, предчувствуя минимум информации, Павел зашел в подъезд, где в нос сразу же ударил едкий запах кошачьей мочи. Заткнув нос, он позвонил в дверь на первом этаже – реакции не было; тогда он позвонил еще в две двери напротив. Тишина вперемешку с едким запахом навевала тоску.

Осторожно поднявшись по ступенькам деревянной лестницы на второй этаж, он увидел, что одна из дверей заколочена, а значит, квартира была нежилой. Еще одна дверь квартиры была приоткрыта; заглянув вовнутрь и увидев на линолеуме в прихожей засохшую лужу крови, он понял, что нашел то, что искал.

Постучавшись на всякий случай в приоткрытую дверь и не дождавшись ответа, зашел внутрь. Следы, похожие на кровь, виднелись повсюду: мазки, брызги, капли. Было такое ощущение, что кого-то просто бросали по квартире как побитого котенка. Нужно было пригласить понятых, чтобы составить протокол, и он вышел, постучал в соседнюю дверь. На стук послышался легкий шорох, ключ в двери повернулся, дверь приоткрылась. Опуская взгляд все ниже и ниже, на уровне своих, можно сказать, колен, Павел увидел испачканное конфетой детское личико.

– Ты кто? – спросило личико.

– Родители дома? – вопросом на вопрос, стараясь не спугнуть малыша, ответил Павел.

– Нет, они на работе и придут, когда будет совсем темно.

– А в этой квартире кто-либо живет? – показав на дверь, где стены и пол были разукрашены пятнами, похожими на кровь, поинтересовался Павел.

– Нееет, там никто не живет. Там жили Ванька, Ирка и Элька, но куда-то убежали, куда – не знаю. Мамку их врачи увезли, она упала сильно.

– А где их папа?

– Да откуда же я знаю, спросите у моей мамы, когда она домой придет.

– На первом этаже кто живет?

– Бабули там живут, я видел – они в магазин ушлепали, – ответил парнишка и захлопнул дверь.

Павел стоял в растерянности, не зная, как поступить. Уехать, конечно, можно, но вернуться сюда в темноте можно будет только на тракторе, но и выехать отсюда на его машине было нереально, и он решил вернуться в райотдел. Опечатав дверь квартиры, где, по всей вероятности, и была избита Александра Свиридова, он начал выбираться в город. По дороге он увидел, как навстречу ему идут три бабули с сумками, похоже, что нагруженными продуктами. Поравнявшись с ними, он остановил машину.

– День добрый, уважаемые, – заговорил с бабулями, но те словно и не замечая его, продолжали свой путь.

– Подождите, пожалуйста, мне нужно у вас кое-что узнать, – крикнул Павел.

– Чего орать-то, не глухие, – проговорила самая молодая, по крайней мере, на первый взгляд.

– Я не кричу, просто такой голос, я полицейский, – постарался смягчить начало разговора.

– Ааа, заинтересовались наконец— то убийством, – проговорила другая.

– Каким убийством? У вас кого-то убили?

– Да нет, я так – пошутила. По пустякам милиция к нам не ездит, так и говорят: «пустяки, мол, все это, еще машину ломать» – и не приезжают, – прокомментировала третья из них.

– А что – часто вызываете полицию?

– Да что ты все заладил – полиция, полиция! Не война же – какая там полиция! Надо же было так придумать, слышать не могу, у нас она так и осталась – милиция!

– Заткнись, Машка, в кутузку захотела? – оборвала подругу та, что помоложе.

– Чего напугалась-то? Я же пошутила, разговор поддержала, – оправдалась говорившая про полицейских бабуля.

– Скажите мне, пожалуйста, а вот квартира, в которой двери открыты – она нежилая? Кто в ней жил, и давно ли не живет никто?

Все трое бабулек переглянулись. Павел понял, что они явно владеют какой-то информацией, но вот будут ли они ею делиться, пока неясно.

– Это ты про квартиру, где Сашеньку побили?

– Да, расскажите, что там произошло?

– Не знаем мы ничего, не видели. Слышали, правда, что кричала она, потом все стихло. Протопали из их квартиры на улицу, а там темно, глаз выколи – не разглядеть было, кто выскочил, – проговорила одна, две другие стояли и кивали головами – мол, так это и было. Павел отметил для себя, что вместе они секрета не раскроют, надо будет разговаривать с каждой по отдельности. Теперь, конечно, докопаться до истины будет сложнее, но придется выискивать способ, как подобраться к каждой из них по отдельности. Попрощавшись, сел в машину и направился в отдел.

– Виктор Иванович, смотрите, какая женщина сильная, молодец просто, – говорила Наталья, стоя у кровати Саши.

– Да мало надежды, очень мало, не восхищайтесь. Возможно, она рефлексит, глаза могут и непроизвольно открываться, тело двигаться, – Валерий Иванович повидал столько разных судеб и смертей, что никогда не обнадеживал ни себя, ни персонал, да и родных тоже – не обещал быстрого и точного выздоровления. А уж когда человек прооперирован по поводу раковой опухоли, страдает от травм, нужно надеяться только на чудо. Не озвучив свои предположения, ушел.

– Ну что, дорогая Александра, Вы согласны со мной, что выздоровеете, будете радоваться жизни? Сколько у Вас деток? – поправляя одеяло, разговаривала Наталья с лежащей неподвижно больной, и вдруг она увидела, как из краешка глаза у женщины на висок потекла слеза. Слезы появились и на ресницах Натальи.

– Милая Вы моя, значит, слышите Вы нас, значит, боретесь, умница; я Вам сейчас попить принесу, спрошу у Виктора Ивановича разрешения и принесу. Вы лежите, не плачьте, – погладив женщину тихонечко по плечу, Наталья вышла из палаты. Она работала в этом отделении уже несколько лет после медицинского колледжа и видела, как умирали люди, сострадала, переживала за врачей, жалела близких. Говорят, что со стажем притушается эмоциональная составляющая, что переживать люди в белых халатах перестают, но у нее пока этого еще не получалось; она видела, как переживает Валерий Иванович и все лечащие врачи. Был у них тут один очень жесткий врач, мог голос и на больного просто так повесить, так его Валерий Иванович очень быстро из отделения выжил по-тихому, как он умеет.

Саша снова погрузилась в ту самую неизвестность, что называется «без сознания». Однако для нее реальность вернулась и была не самой простой. Все, что произошло в их семье когда-то, выглядело реальностью прямо здесь и сейчас.

Вот она стоит у окна, ждет Глеба, а тот все не возвращается; Иван еще совсем не большой, а Ира только что родилась. Она любит Глеба, только уже понимает, что не знает – за что. Синяки на ее теле практически не успевают сходить, как появляются новые. Дома Глеб ведет себя как изверг, может ударить просто так, когда проходит мимо, зато на улице он сама

любезность, даже голос у него становится мягким. Хлопает входная дверь в квартире, и Саша вздрагивает, Ваня бежит к ней и прячется за нее, обхватив ее ногу руками.

– Корми, – командует Глеб.

– А ты чего как зверек смотришь? – протягивает руки к сыну, тот прячет голову в юбку мамы. Глеб хватается за ребенка, тот начинает извиваться, пытается вырваться, машет руками и ногами.

– Что ты делаешь, оставь Ваню, – кричит Саша, ее сознание холодеет; понимая, что что-то сейчас будет, она подбегает к мужу, тот разворачивается, смотрит как зверь, не отпуская сына, и пинает ей в живот, она хватается за живот и сгибается от боли. В это время Глеб выходит в прихожую и подвешивает ребенка за футболку на металлический крюк для одежды.

– Ты что творишь? – пытается кричать Саша, но закрывает голову руками, понимая, что сейчас будет побита.

Глеб подходит к ней, дважды ударяет кулаком по спине и уходит на кухню. Пересилив боль, Саша, опираясь на стену, движется в сторону прихожей, где кричит ее сын. Снимая Ивана с вешалки, она прижимает мальчика к себе и несет его в спальню.

– Мама, мне страшно, папа злой, он меня не любит, – сквозь слезы твердит сынуля.

– Нет, Ваня, – успокаивает его Саша, – папа тебя любит, а это с тобой сделал не папа, это оборотень, – так старается она унять душевную боль ребенка, тот затихает и шепчет:

– Так это значит не папа бьет и тебя?

– Конечно, мой родной, это только оборотень так может делать.

– А где же в это время наш папа?

– Он на работе.

И с этого времени Иван так называет всегда отца, как только он поднимает на них руку. И бабушке с дедушкой он говорит, что снова оборотень приходил. И дальше.

Видит Саша и все ощущает на себе четко и ясно, как Глеб в присутствии Ивана, уже достаточно подросткового, бьет ее; она падает, он подходит, наклоняется и начинает руками душить, она теряет сознание – все, как наяву. Глаза ребенка полны страха, он молчит. Когда она приходит в себя, то одна дома лежит на полу, и в квартире никого нет. Сколько лежит она так, не помнит. Отлежавшись, она приводит себя в порядок, надевает свое любимое белое платье, которое очень любит сын, идет в школу. Видит, как сын, увидев ее в коридоре школы, разворачивается и бежит в свой класс, закрывая за собой дверь. Только из рассказа учительницы она узнает, что Иван подумал, что она – привидение, так как отец сказал, что она мертва, и увел его в школу.

Снова всплывают картины их жизни... Глеб – так зовут ее мужа – стоит с букетом ярких роз, кается, что был не прав, и она в очередной раз дает ему шанс исправиться. Искренне верит, что он больше не будет ее бить, у них уже двое детей, но все продолжается. Когда он узнал, что она беременна третьим, он закрыл ее дома и не выпускал всю беременность – знал уже, что у нее опухоль. Она жутко боялась, но страх за детей был сильнее всего на свете, и она жила взаперти, опасаясь за жизнь и здоровье детей.

Боль внизу живота напомнила о том, что роды начались, вызвать скорую помощь Глеб не захотел. Она просила одуматься, боялась, что не справится сама и ребенок может родиться мертвым, за саму себя страха не было.

– Помучайся, сам приму твои роды, – заверил ее и с удовольствием смотрел, как она мучается, кричит, боится, что ребенок погибнет. Это все длилось почти сутки, а в глазах мужа не было и капли жалости. Дочь на свет появилась утром, была жива и здорова, а вот сама Саша была почти в прострации. У нее уже был поставлен страшный диагноз – опухоль. Видимо, Глеб мечтал, что она помрет при родах, но мечтаниям его не удалось осуществиться. Он впоследствии всем жаловался, что Саша сама так решила – рожать дома, и он не смог ничего сделать.

И все началось тогда сначала.

Темнота кругом, запах больницы шли все это время вперемешку с эпизодами их жизни. Краем глаза, придя на секунду в сознание, Саша видела, как хлопочут около нее медики, и тут же уплывала в небытие.

Однажды в такой ссоре за нее пыталась заступиться ее мама, они с папой были в гостях. Она подскочила и пыталась оттащить зятя, когда тот схватил Сашу и начал ударять головой о стенку. Бросив жертву, Глеб развернулся и пнул с силой по ноге теще, та рухнула на пол. Тесть – маленького роста старичок – в это время вышел из туалета и, ничего не понимая, поспешил поднять вначале жену, а потом и дочь. Глеб, хлопнув дверью, ушел.

Она удрала от Глеба в Подмоскowie. Ощущает, как с детьми едет в поезде, как мелькают за окнами чужие дома, поля и леса, радуется, что наконец-то сможет жить спокойно. Как же она ошибалась. Она сняла там квартиру, начала обустраиваться с тремя детьми и почувствовала свободу. Но ненадолго – Глеб вычислил ее и явился туда, преследовал, познакомился с хозяйкой квартиры, наговорил кучу гадостей про нее. Подкараулив в очередной раз у дома, он смог ворваться в квартиру. Иван сразу же закричал:

– Оборотень!

Дети бросились прятаться, а Глеб, в изумлении от услышанного, сразу подбежал к ней и ударил кулаком в грудь.

– Не бей, – кричала Саша, ощущая невыносимую боль, плакали дети, а он ударял и ударял ее, затем опустился на пол и застыл, словно мраморный. Так он сидел и сидел, пока сама Саша смыла кровь вначале с себя, потом с пола и со стены. Пытаясь успокоить детей, отвела их в комнату, закрыв дверь. Немного придя в себя, дети заснули.

– Уходи, что тебе от нас надо? – обратилась она к Глебу.

Тот поднял на нее глаза, все еще полные бешенства.

– Значит, я – Оборотень! Молодец, хорошо настроила против меня детей, – сквозь зубы процедил он.

– Я, наоборот, им говорю, что их папа хороший, нас любит, а бьёт оборотень, – пыталась объяснить все Саша.

– Да ты, дрянь, сама ненормальная.

– Если я ненормальная, зачем ты нас преследуешь – живи своей жизнью!

– Отдай мне детей, живи сама – как хочешь.

– Зачем они тебе, ты их никогда не любил, денег на их содержание не даешь, хотя бизнес твой тебе создала я!

– Заткнись, дура, а то убью, и дети все равно мне достанутся!

– Убьешь, дети достанутся бабушке и дедушке – моим родителям.

– Да с чего твоим? – Моим!

Все снова расплылось, осталась только нестерпимая боль в ее теле. Боль и обида за такую вот жизнь. Почему она все еще жива – Саше было непонятно; ее терзали сомнения: может, она уже умерла, а это все так – остатки памяти не дают ей окончательно уйти в мир иной? И снова она цеплялась за детей. Как они будут жить без нее, как?

Почему-то всплывает запах осени, поздний вечер, она идет быстрым шагом из магазина, боится, не появился бы Глеб, получает сзади удар по голове, шатаясь, опирается о скамейку у подъезда. Дверь подъезда открывается, и с собакой выходит соседка. В это время она слышит ласковый голос Глеба:

– Дорогая, я сколько раз говорил, не таскай такие тяжелые сумки, – он подхватывает ее под руку, берет сумку и ведет к подъезду.

– Ваш муж прав, женщине не нужно перегружать себя, это опасно для здоровья, – соглашается соседка и идет вдоль дома с собакой.

– Отстань от меня, – говорит Саша.

– Ну, ты же чуть не упала, я успел тебя подхватить, – врет Глеб.

– Чем ты меня звезданул?

– Ничем, тебе померещилось, давай доведу до подъезда, – говорит уже совсем другим тоном.

Пытаясь вырваться, отбирая сумку у Глеба, Саша входит в подъезд и тут же получает кулаком по лицу, падает; приходит в себя уже лежащей в коридоре, рядом валяются разбросанные продукты; поднимается, собирает продукты и идет домой.

– Больная в коме, – констатирует как факт доктор.

А вещи в квартире все летают и летают, что происходит – Саша понять не может. Она просит детей подняться на второй этаж их двухъярусной квартиры.

– Ты что за бардак тут развела? – кричит Глеб, – сейчас я вызову опеку, и детей у тебя заберут.

– Ты хочешь сдать их в детский дом? – не понимает Саша, – что ты прицепился?

– Ты не выпускаешь их на улицу, они все время дома, Иван в школу не ходит – тебя в психушку надо отправить, стерва.

– Ты крадешь Ивана, как только встречаешь на улице, а в школе он учится дистанционно, не твое дело. Уходи, я вызову полицию.

– Так они и придут к тебе – на ложный вызов, – смеется Глеб.

– Всем заплатил, оборотень, – обзывает его Саша и понимает, что ей сейчас прилетит, но в это время звонит телефон Глеба, он начинает говорить:

– Привет, рад слышать, – совсем другим голосом говорит с кем-то. Саша не перестает удивляться, как он быстро умеет становиться совсем другим.

– Я понял, сейчас подъеду, без проблем, – заверяет Глеб кого-то и летит к двери со словами:

– Тебе повезло, сука! Вернись, жди – и детей ты больше не увидишь.

Саша быстро поднимается вверх, одевает плачущих детей и уходит, по дороге понимает, что идти ей некуда. Пустота кругом, идут люди, стоят дома, а они одиноки. Снова провал.

Павел Смирнов служил в полиции уже 3 года верой и правдой, немало повидал разного. Работа в уголовном розыске ему нравилась, хотя и лишала его любого шанса на личную жизнь. Девушки, знакомившиеся с ним, очень быстро его бросали после того, как он не приходил на свидание или не появлялся по несколько дней. Им нужны были мужчины внимательные, дарящие подарки, посвящающие им свои выходные. А у Павла таких возможностей не было, желание было не в счет. В семье научили его быть ответственным за то дело, какое он бы ни делал.

С Наташей они все же встретились, причем случайно, в продуктовом отделе супермаркета. Девушка шла, никого не замечая, катила наполненную продуктами тележку.

– Привет, – прямо на ухо проговорил Павел.

Вздрогнув, она посмотрела на него и тут же заулыбалась, это не осталось для него незамеченным.

– Вам помочь?

– А мне не тяжело, – вначале растерявшись, ответила она, а затем, с еще большей улыбкой, произнесла, – не возражаю! Вы тоже закупились? – поинтересовалась, увидев в руках у Павла пачку пельменей.

– Да. Вот заскочил взять что-либо перекусить, некогда готовить.

– А пошли ко мне, – как-то не раздумывая, неожиданно даже для самой себя предложила девушка.

И Павел, тоже не раздумывая, утвердительно закивал.

На кассе он рассчитался за весь товар, не позволив Наташе платить, вытащил сумки и произнес:

– Теперь куда?

– А вот, через дорогу, я квартиру тут снимаю, – показала на многоэтажный дом.

В квартире, пусть и съемной, было уютно, что не могло не понравиться Павлу: его мать всегда наводила дома порядок, всегда пахло вкусной едой, и, конечно же, этого ему, живущему в малосемейке одному, не хватало. Родители жили далеко, навещали редко, а уж он их тем более – не было времени. Поставив сумки с продуктами на стул, он ощутил знакомый запах еды. Наталья что-то недавно готовила, похоже борщ.

– Борщ будешь?

– Конечно, соскучился.

– А что – некому готовить?

– Один живу.

– Такой парень и один?

– А ты когда успеваешь готовить? Ты же говорила, что все время на работе.

– На работе, вот в выходной – ты удачно зашел – варю на несколько дней, угощайся.

Пообедав, осмотревшись, Павел понял, что это и есть его девушка, что он не хочет отсюда уходить.

– Ты сегодня на работу? – поинтересовался он.

– Нет, завтра утром.

– А можно я к тебе вечером загляну?

– Конечно, заходи, если у тебя получится – ты же опер у нас, я правильно поняла?

Павел закивал головой и ощутил, что ему понравилось отношение девушки к его работе, таких сейчас днем с огнем не сыскать. Выпив чашечку чая, он умчался по своим делам.

Руководителя Кризисного центра – Селиванову Дарью Петровну – он все же отыскал, назначил встречу в отделе полиции, но та категорически отказалась прийти. Он был этому удивлен, но, нуждаясь в их взаимопонимании, решил пойти на уступки и предложил Дарье Петровне самой выбрать место для общения. Они встретились в ее Кризисном центре. Немного был удивлен тому, что увидел, он никогда не думал, что такие заведения так выглядят. Помещение располагалось на первом этаже пятиэтажного панельного дома, вход был отдельным. Дверь вся была избита, испачкана, замки, было видно, что неоднократно поменяны. Мебель еще социалистическая. Шторы безобразного, неопределенного цвета.

– Пожалуйста, проходите, – как-то уж очень сдержанно проговорила хозяйка, подозрительно разглядывая его, не стесняясь.

– Что привело Вас ко мне?

– День добрый, Дарья Петровна, меня интересует семья Свиридовых.

– Да неужели? – прервала его хозяйка, – что так могло поменяться?

– Что Вы имеете в виду?

– Не лукавьте, Ваш отдел полиции я ненавижу, вашего Хрулева когда-нибудь посажу обязательно, – резко ответила Дарья Петровна.

– Не понял, объясните мне толком.

– Вы что – новенький?

– Нет, я работаю вот уже 3 года, просто в этом отделе – можно сказать, что и новенький.

– Тогда понятно. Скажите, что с Александрой? Она жива? Просто меня не было, уезжала, а когда вернулась, мне сказали, что она с детьми опять прибежала, но не осталась, так как ее

бывший муж боится только со мной связываться – я все равно полицию вызываю, заявления пишу и сражаюсь с ним, как могу.

Павел слушал рассказ этой женщины о том, что тот самый Глеб – бывший муж Саши Свиридовой – неоднократно ломал у них в центре двери, пугал детей, крал их у матери, бил ее. Неоднократно он плевал в лицо и Дарье Петровне. Однако все ее заявления рассматривал тот самый участковый инспектор Хрулев и писал, что раз оскорбительных слов Глеб Свиридов в ее адрес не употреблял, значит, за оскорбление не может быть привлечен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.